

УДК 821.133.1.09-31

DOI 10.25688/2076-913X.2020.38.2.02

О.А. Кулагина

Языковые средства репрезентации трудностей культурной интеграции в романе А. де Монтерлана «Хаос и ночь»

В статье рассматриваются основные лингвистические средства изображения неудачной культурной интеграции представителя испанской культуры во французский социум в романе Анри де Монтерлана «Хаос и ночь».

Ключевые слова: культурная интеграция; идентичность; инаковость; языковая репрезентация.

Гражданская война в Испании (1936–1939) и ее последствия во многом повлияли на отношения Франции и Испании на протяжении нескольких десятилетий. Так, официальная позиция Франции в отношении нового государственного строя соседней страны неоднократно претерпевала изменения: если Народный фронт, находившийся у власти на момент начала войны в Испании, категорически отказался вступать в какие-либо контакты с испанскими националистами во главе с Франсиско Франко (хотя поддержка, которую оказывал тогдашний премьер-министр Франции Леон Блюм испанским республиканцам, была довольно относительной в связи с «красным террором», развязанным ими на территории Испании [6, с. 167], то начиная с 1938 г. новое французское правительство, возглавляемое Эдуардом Даладье, взяло курс на постепенное сближение с режимом Франко [8, с. 261–262]. После окончания Второй мировой войны Франция оказалась перед дилеммой: новое коммунистическое правительство выступало против возобновления отношений с франкистской Испанией, которая тем не менее оставалась важным экономическим партнером Франции [9, с. 31]. В начале 1950-х гг. отношения между двумя странами наконец вступили в стадию постепенной нормализации, что было необходимо обеим сторонам в силу как дипломатических, так и экономических причин [9, с. 34].

Последствия Гражданской войны стали также одной из центральных тем французской литературы XX в. Анри де Монтерлан, хорошо знакомый с испанской культурой благодаря многочисленным поездкам в Испанию, предпринятым в период с 1926 по 1935 г., посвятил ее изображению сразу несколько своих произведений [7, с. 155], но именно роман «Хаос и ночь» («Le chaos et la nuit», 1963) наиболее рельефно передает трудности культурной интеграции представителя испанской культуры во французское общество, в полном

соответствии с распространенной в настоящее время точкой зрения, согласно которой литературные тексты представляют собой важные источники исторического знания [11, с. 520]. Несмотря на то что во все века, начиная с эпохи Возрождения, человечество стремилось к глобализации [4, с. 197] и что многим испанским беженцам удалось успешно адаптироваться к жизни во Франции [10, с. 126], в данном случае интеграция оказывается затруднена и практически невозможна. Главный герой романа, убежденный анархист и антиклерикал, бежал во Францию из Испании в 1939 г., в конце Гражданской войны, и на момент повествования провел в этой стране уже двадцать лет, однако так и не смог стать полноценной частью французского социума. В романе показана выраженная фиксация представителя испанской культуры на собственной идентичности, что является логичным, так как нация, страна и государство выступают для человека общностью, в которой замыкаются его связи с социумом [3, с. 208]. В то же время герой не перестает акцентировать свою инаковость по отношению к французскому социуму, конструируемую тем не менее в соответствии с нормами культуры принимающей страны [2, с. 33]. Одна из основных сложностей, с которыми ему пришлось столкнуться и которые он не в состоянии преодолеть, — лингвистическая. Так, его уровень владения французским языком показан в романе следующим образом:

En vingt ans, il n'était parvenu ni à comprendre tout à fait le français parlé, ni à le parler avec correction. Il le lisait sans difficulté, mais, lorsqu'il le parlait ou l'écrivait, cela devenait inénarrable. <...> pour lutter contre le sentiment d'infériorité qu'il en recevait, quelquefois il se mettait brusquement à être mal élevé, alors qu'il était de nature la courtoisie même [1, p. 26–27]. — За двадцать лет он так и не научился ни понимать как следует французскую речь, ни правильно говорить по-французски. Читать он мог без проблем, но, когда он говорил или писал, получалось нечто нечленораздельное. <...> пытаюсь преодолеть возникающее у него при этом чувство неполноценности, он порой внезапно превращался в настоящего грубияна, хотя от природы был сама любезность¹.

В приведенном примере гиперболический эпитет *inénarrable* (нечленораздельное) передает трудность понимания потенциальным слушателем устной и письменной речи героя, который при этом владеет рецептивными видами речевой деятельности на достаточном уровне. Наряду с этим антитеза *mal élevé — la courtoisie même* (грубиян — сама любезность), усиленная за счет метафорического эпитета *brusquement* (внезапно), подчеркивает отрицательный психологический эффект, который оказывает на героя необходимость демонстрировать свою лингвистическую «неполноценность» перед носителями французской лингвокультуры. Заметим, что по прибытии во Францию сразу после бегства из Испании герой придерживался схожей линии в межкультурном общении:

¹ Здесь и далее перевод наш. — О. К.

Celestino vécut fort mal dans l'Aude pendant trois mois: un damné pays où en arrivant il ne savait même pas comment demander un verre d'eau! [1, p. 45] — В течение трех месяцев Селестино жилось из рук вон плохо в департаменте Од: в этом проклятом месте, где по прибытии он не знал даже, как попросить стакан воды!

В данном примере негативно окрашенные эпитеты *fort mal* (из рук вон плохо) и *un damné pays* (проклятое место) указывают на склонность героя винить в своих сложностях принимающую страну. Также отметим, что главный герой во многом сам провоцирует возникающие у него языковые трудности, демонстративно акцентируя свою инаковость по отношению к принимающей культуре. Так, в его речи испанские слова перемежаются с французскими, а порой он намеренно отдает предпочтение номинациям на испанском языке. В качестве подтверждения этой мысли приведем несколько примеров:

1. — J'aime cette rue Briquet. Son côté ruelle lui donne un air un peu de chez nous. Ses bornes sont pareilles à celles de notre Calle de Madrid, qui est du XVIIe siècle [1, p. 17]. — Мне нравится улица Брике. Она выглядит как небольшой переулок и чем-то похожа на наши улицы. Ее ограждения напоминают нашу Калье де Мадрид, которая была проложена еще в XVII веке.

2. — Et la **posada**²! Purement française, et cependant quelque chose d'espagnol. Il ne manque que l'affiche sur le mur, avec l'annonce des six **hermosos toros**³ [1, p. 18]. — А la posada⁴! Совершенно во французском духе, но в то же время в нем чувствуется что-то испанское. Не хватает только афиши на стене о корриде с шестью hermosos toros⁵.

3. — Avant de te quitter, je monterai me recueillir un instant à Caballero de la Barra...

— Caballero de la Barra?...

— Le caballero qui fut décapité et brûlé pour avoir mutilé un crucifix.

— Ah oui! la rue Chevalier de la Barre [1, p. 29].

— Прежде чем мы попрощаемся, я схожу постоять минутку на улице Кабальеро де ла Барра...

— Кабальеро де ла Барра?...

— Тот самый кабальеро, которого обезглавили и сожгли за то, что он надругался над распятием.

— Ах, да! Улица Шевалье де Барра.

В приведенных примерах фигурируют многочисленные испанизмы, как то: *Calle de Madrid*, *posada* (ресторанчик), *hermosos toros* (великолепные быки), *le caballero* (кабальеро), причем в последнем случае испанское существительное сопровождается французским артиклем, что говорит о смешении языков в сознании героя, с явным преобладанием родного языка, подтверждением чему служит намеренный перевод на испанский язык названия улицы

² Выделено автором.

³ Выделено автором.

⁴ Ресторанчик (*исп.*).

⁵ Великолепными быками (*исп.*).

в Париже: объективно оно не представляет трудностей для героя, но его испанская номинация является для последнего делом принципа.

Языковой барьер не является единственной проблемой для интеграции главного героя во французский социум. Свое общение с представителями французской культуры он стремится свести к минимуму по следующим причинам:

1. Don Celestino ne fréquentait aucun Français, à la fois parce que <...> il ne pouvait ni les comprendre parfaitement ni se faire comprendre parfaitement d'eux <...> et parce qu'il n'aimait pas les Français: ils étaient pour lui <...> l'ennemi héréditaire. Mais il s'était fait un point d'honneur de ne dire jamais de mal d'eux <...> Ils lui avaient donné refuge, ils lui avaient permis une vie somme toute supportable, alors que tous les autres pays d'Europe étaient «impossibles» pour une raison ou une autre [1, p. 49–50]. — Дон Селестино не поддерживал отношений ни с одним французом, потому что <...> он не мог ни понимать их речь, ни членораздельно изъясняться с ними <...> и еще потому, что он не любил французов: он считал их <...> давними врагами. Но он зарекся дурно отзываться о них <...> Они дали ему убежище, позволили ему жить в целом вполне прилично, тогда как прочие европейские страны по тем или иным причинам не были «доступны».

2. C'est ainsi qu'ayant rencontré par hasard un Français chez Ruiz — un Français-banane, — le Français s'était mis à se moquer de Franco, mais <...> Celestino avait pris la mouche, rappelant, entre autres traits à la louange de Franco, l'histoire de la sieste d'Hendaye, et laissant entendre qu'il n'y avait pas beaucoup de pays où l'on aurait montré autant d'allure dans la même circonstance [1, p. 51]. — Так, когда он случайно познакомился в гостях у Руиса с одним французом — весьма недалекого ума, — тот начал насмеяться над Франко, но <...> Селестино резко вспылал и напомнил, среди прочих похвал в адрес Франко, историю с андайской сиейстой, и дал понять, что в немногих странах повели бы себя с таким же достоинством в подобных обстоятельствах.

В примере 1 обращает на себя внимание хиазм *il ne pouvait ni les comprendre parfaitement ni se faire comprendre parfaitement d'eux* (он не мог ни понимать их речь, ни членораздельно изъясняться с ними), передающий сложность взаимодействия героя с представителями иной лингвокультуры, а также эпитет *ennemi héréditaire* (давний враг), обозначающий страну, с которой продолжается некий длительный конфликт [9]. Оценочная генерализация *il n'aimait pas les Français* (он не любил французов) также представляется значимой, так как оценочность является «фундаментальной характеристикой универсума бытия человека» [5, с. 3] и в данном случае определяет позицию героя в межкультурном взаимодействии. Наряду с этим Франция, принявшая в 1939 г. около 500 тыс. беженцев из Испании [7, p. 262; 10, p. 123], противопоставляется другим, менее гостеприимным европейским странам, которые характеризуются эпитетом *impossibles*. Данный эпитет может толковаться двояко, поскольку способен как передавать идею невозможности и недоступности, так и иметь значение «нестерпимый, невыносимый» [12]. Таким образом, мы можем предположить, что Франция воспринимается героем как наименьшее из зол в сравнении с прочими странами Европы.

Пример 2 иллюстрирует, с одной стороны, пренебрежительное отношение героя к представителям французской культуры, выраженное негативно окрашенным метафорическим эпитетом *banane* (*глупый, наивный, недалекий*); с другой стороны, в данном примере показана готовность героя защищать свою национальную идентичность любым способом, даже если для этого ему придется положительно отзываться о режиме, от которого он когда-то был вынужден бежать. Эту мысль подтверждает упоминание о встрече Ф. Франко и А. Гитлера во французском городе Андай в 1940 г., которая закончилась дипломатическим провалом Гитлера и отказом Франко вступить во Вторую мировую войну на стороне нацистской Германии [13]. Поведение Франко обозначается мелиоративно окрашенной лексемой *allure* (зд. *достоинство*), а литота *il n'y avait pas beaucoup de pays où l'on aurait montré autant d'allure dans la même circonstance* (*в немногих странах повели бы себя с таким же достоинством в подобных обстоятельствах*), где обращает на себя внимание неопределенно-личное местоимение *on*, косвенно демонстрирует идентификацию диктатора со всей Испанией: поскольку режим Франко также является частью жизни страны, для представителя испанской лингвокультуры этого оказывается достаточно, чтобы защищать этот режим перед представителями иных культур.

Свою инаковость по отношению к представителям французского социума главный герой демонстрирует также нарочито вызывающим поведением в общественных местах. Приведем пример, описывающий один из подобных поступков:

Au bord du parterre de pigeons se tenaient un petit garçon semi-bourgeois semi-populaire, une jeune femme populaire, un vieux monsieur bourgeois, qui donnaient à manger aux pigeons. Toute la nation, dans toutes ses classes et tous ses âges, était représentée, et communiait en le culte des pigeons <...> Don Celestino se détacha du bord, à la manière d'un matador qui quitte la barrera, pour s'avancer à la rencontre du taureau, et traversa dans toute son étendue le parterre des pigeons; il avait pris la démarche, d'une noblesse étudiée, qu'affecte le matador en pareille occasion <...> Il sentit <...> les regards de malveillance [1, p. 76–77]. — Неподалеку от стаи голубей сидели полубуржуйский-полупролетарский мальчик, девушка из пролетариев и пожилой господин из числа буржуа, и кормили голубей. Здесь была представлена вся нация, сразу из всех социальных классов и всех возрастов, и эта нация причащалась к голубиному культу. <...> Дон Селестино отошел от края клумбы, словно матадор, который движется от *la barrera*⁶ навстречу быку, и прошел насквозь через стаю голубей; он двигался нарочито изысканной походкой, какая обычно свойственна матадору в подобных случаях <...> Он <...> почувствовал на себе недобрые взгляды.

Данный пример, как и приведенный ранее отрывок, показывает пренебрежительное отношение героя к представителям французской культуры, выраженное посредством перечисления-градации *un petit garçon semi-bourgeois*

⁶ Барьер (*исп.*).

semi-populaire, une jeune femme populaire, un vieux monsieur bourgeois (полубуржуйский-полупролетарский мальчик, девушка из пролетариев и пожилой господин из числа буржуа), которое сводит все социально-культурное разнообразие французского социума к трем наиболее очевидным категориям. Идею подобной схематизации подтверждает гипербола *toute la nation, dans toutes ses classes et tous ses âges, était représentée* (здесь была представлена вся нация, сразу из всех социальных классов и всех возрастов). Метафора с религиозной культурной коннотацией *communiait en le culte des pigeons* (причащалась к голубиному культу) подчеркивает неприязнь героя, не скрывающего свою антиклерикальную позицию, к представителям французского общества и их манере поведения. Его попытка шокировать людей в парке показана, напротив, как некий акт мужества, что подтверждается сравнением героя с матадором, где мы можем отметить испанизмы *la barrera* (барьер) и *un matador*, причем последняя лексема является стереотипной, но значимой для представителя испанской культуры реалией. Метафорический эпитет с мелиоративной окраской *d'une noblesse étudiée* (нарочитая изысканность), описывающий походку героя, дополняет положительную, с его точки зрения, характеристику его поступка. Антитезу этой характеристике составляет эпитет с негативной окраской *les regards de malveillance* (недобрые взгляды), репрезентирующий реакцию французов на поведение героя, демонстративно разогнавшего стаю голубей и тем самым в очередной раз подчеркнувшего свою инаковость.

Общее впечатление героя от жизни в чуждом ему социуме иллюстрирует следующий пример:

Jamais autant qu'en ce moment il n'avait senti l'abîme qu'il y avait entre lui et cette humanité au milieu de laquelle il vivait depuis vingt ans <...> Les Français restaient pour lui des habitants d'une autre planète, comme il savait très bien que lui et ses compatriotes étaient d'une autre planète pour eux. La place de la République s'ouvrait à trente mètres du café de Bondy. En quatre ans, il n'avait poussé jusqu'à elle que deux fois, et une des fois, encore, ne l'avait qu'effleurée <...> Oui, il l'avait dit, il était uniquement espagnol [1, p. 91–92] — Сейчас он как никогда ощущал глубину пропасти, которая отделяла его от этого человечества, среди которого он жил последние двадцать лет <...> Французы до сих пор казались ему инопланетянами, и он прекрасно знал, что он сам и его соотечественники казались французам точно такими же инопланетянами. В тридцати метрах от кафе Бонди находилась площадь Республики. За четыре года он дошел до нее только дважды, и один раз лишь мельком туда заглянул <...> Да, он всегда так и говорил: он оставался только испанцем.

В данном примере значимыми являются гипербола *l'abîme qu'il y avait entre lui et cette humanité au milieu de laquelle il vivait depuis vingt ans* (пропасть, которая отделяла его от этого человечества, среди которого он жил последние двадцать лет), где окружающие его французы обозначаются посредством перифраза *cette humanité* (это человечество), а также гиперболический хиазм *les Français restaient pour lui des habitants d'une autre planète, comme il savait*

très bien que lui et ses compatriotes étaient d'une autre planète pour eux (Французы до сих пор казались ему инопланетянами, и он прекрасно знал, что он сам и его соотечественники казались французам точно такими же инопланетянами), иллюстрирующие практически полное отсутствие интеграции героя во французское общество. Эту идею акцентирует также антитеза *lui – eux* (он – они), указывающая на непреодолимые, с точки зрения героя, различия между двумя культурами. Показательным является упоминание площади Республики в Париже — реалии, обладающей ярко выраженной общественно-политической коннотацией для носителей французской лингвокультуры, но которая остается для главного героя некоей неизведанной и малоинтересной территорией, что выражается посредством метафорического употребления глагола *effleurer* (здесь мельком заглянуть) при описании визита представителя испанской культуры в это место. Наряду с этим гипербола *il était uniquement espagnol* (он оставался только испанцем) позволяет говорить об этноцентризме героя и его стремлении сохранить собственную идентичность путем противопоставления себя французскому социуму.

Подводя итог, мы можем заключить, что в романе А. де Монтерлана «Хаос и ночь» показан пример неудачной культурной интеграции, во многом обусловленной этноцентрическими взглядами главного героя, принадлежащего к испанской культуре. Препятствия к интеграции героя во французское общество могут быть классифицированы на лингвистические и социальные. Основными языковыми средствами, передающими трудности интеграции героя во французский социум, являются гиперболы, метафорические эпитеты с выраженной мелиоративной или пейоративной коннотацией, антитезы, культурно значимые реалии, а также многочисленные испанизмы, присутствующие в речи главного героя.

Библиографический список

Источники

1. *Montherlant H. de. Le chaos et la nuit. Paris: Éditions Gallimard, 1963. 289 p.*

Литература

2. *Викулова Л.Г., Кулагина О.А.* Национальная идентичность в контексте инаковости: языковая репрезентация оппозиции «свой» – «чужие» во французской литературе XX века (на материале сборника эссе Ф. Мориака «Черная тетрадь») // Вестник МГПУ. Сер.: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2013. № 2 (12). С. 33–42.

3. *Викулова Л.Г., Серебренникова Е.Ф., Герасимова С.А.* Экстенсия концепта *identité*: от понятия к аксиологеме // Человек и его язык: диахрония и синхрония, новые идеи и подходы: сб. ст. по материалам XIX Междунар. науч. конф. Школы-семинара имени Л.М. Скредлиной (Петрозаводск, 19–21 сент. 2019 г.) / РАНХиГС. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2019. С. 206–215.

4. *Викулова Л.Г., Серебренникова Е.Ф., Кулагина О.А.* Семиметрия рефлексии о ценностях современного общества // Лингвистика и аксиология. Этносемиметрия ценностных смыслов: коллективная монография / отв. ред. Л.Г. Викулова. М.: Тезаурус, 2011. С. 196–230.

5. Лингвистический аксиологический анализ лексем *valeur / value*: сравнительно-сопоставительный подход / Л.Г. Викулова [и др.] // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2018. № 1. С. 3–13.

6. *Beevor A.* La Guerre d'Espagne. Paris: Calmann-Lévy, 2006. 680 p.

7. *Bertrand de Muñoz M.* La guerre civile espagnole et la littérature française. Montréal: Didier, 1972. 358 p.

8. *Catala M.* L'attitude de la France face à la Guerre d'Espagne: l'échec des négociations pour la reconnaissance du gouvernement franquiste en 1938 // Mélanges de la Casa de Velázquez. Tome 29-3. 1993. P. 243–262.

9. *Dulphy A.* La politique espagnole de la France (1945–1955) // Vingtième Siècle, revue d'histoire. № 68, octobre – décembre 2000. P. 29–42.

10. *Harzoune M.* Les républicains espagnols dans les Hautes-Pyrénées: de l'exil à l'intégration // Hommes & Migrations. 2004. № 1249. P. 123–126.

11. *Milquet S.* Mémoire de guerre et traumatisme dans le roman contemporain: un style pour l'histoire? // Revue belge de Philologie et d'Histoire. 2017. 95–3. P. 519–530.

Справочные и информационные издания

12. Dictionnaire de français Larousse [Электронный ресурс]. URL: <https://www.larousse.fr/> (дата обращения: 15.11.2019).

Интернет-ресурсы

13. Histoires de Hendaye [Электронный ресурс]. URL: <http://hendayebidassoa.canalblog.com/> (дата обращения: 08.11.2019).

References

Istochniki

1. *Montherlant H. de.* Le chaos et la nuit. Paris: Éditions Gallimard, 1963. 289 p.

Literatura

2. *Vikulova L.G., Kulagina O.A.* Nacional'naya identichnost' v kontekste inakosti: yazykovaya reprezentaciya oppozicii «svoi» – «chuzhie» vo francuzskoj literature XX veka (na materiale sbornika e'sse F. Moriaka «Chernaya tetrad'») // Vestnik MGPU. Ser.: Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoe obrazovanie. 2013. № 2 (12). S. 33–42.

3. *Vikulova L.G., Serebrennikova E.F., Gerasimova S.A.* E'kstensiya koncepta identité: ot ponyatiya k aksiologeme // Chelovek i ego yazyk: diaxroniya i sinxroniya, novye idei i podxody: sb. st. po materialam XIX Mezhdunar. nauch. konf. Shkoly`-seminara imeni L.M. Skrelinoj (Petrozavodsk, 19–21 sent. 2019 g.) / RANXiGS. Petrozavodsk: KarNCz RAN, 2019. S. 206–215.

4. *Vikulova L.G., Serebrennikova E.F., Kulagina O.A.* Semiometriya refleksii o cennostyax sovremennogo obshhestva // Lingvistika i aksiologiya. E'tnosemiometriya cennostny`x smy`slov: kollektivnaya monografiya / otv. red. L.G. Vikulova. M.: Tezaurus, 2011. S. 196–230.

5. Lingvisticheskij aksiologicheskij analiz leksem *valeur / value*: sravnitel'no-sopostavitel'ny`j podxod / L.G. Vikulova [i dr.] // Filologicheskie nauki. Nauchny`e doklady` vy`sshej shkoly`. 2018. № 1. S. 3–13.

6. *Beevor A.* La Guerre d'Espagne. Paris: Calmann-Lévy, 2006. 680 p.

7. *Bertrand de Muñoz M.* La guerre civile espagnole et la littérature française. Montréal: Didier, 1972. 358 p.
8. *Catala M.* L'attitude de la France face à la Guerre d'Espagne: l'échec des négociations pour la reconnaissance du gouvernement franquiste en 1938 // *Mélanges de la Casa de Velázquez*. Tome 29-3. 1993. P. 243–262.
9. *Dulphy A.* La politique espagnole de la France (1945-1955) // *Vingtième Siècle*, revue d'histoire. № 68, octobre – décembre 2000. P. 29–42.
10. *Harzoune M.* Les républicains espagnols dans les Hautes-Pyrénées: de l'exil à l'intégration // *Hommes & Migrations*. 2004. № 1249. P. 123–126.
11. *Milquet S.* Mémoire de guerre et traumatisme dans le roman contemporain : un style pour l'histoire? // *Revue belge de Philologie et d'Histoire*. 2017. 95–3. P. 519–530.

Spravochny'e i informacionny'e izdaniya

12. Dictionnaire de français Larousse [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://www.larousse.fr/> (data obrashheniya: 15.11.2019).

Internet-resursy`

13. Histoires de Hendaye [E`lektronny`j resurs]. URL: <http://hendayebidassoa.canalblog.com/> (data obrashheniya: 08.11.2019).

O.A. Kulagina

Impediments to Cultural Integration and Their Linguistic Representation in H. de Montherlant's Novel «Chaos and Night»

The paper deals with linguistic representation of the failed cultural integration of a Spanish into the French society in Henry de Montherlant's novel «Chaos and Night».

Keywords: cultural integration; identity; otherness; linguistic representation.